

Лина Сивая

пере
ВОСПИТАТЕЛЬ
для мажора

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рина Сивая

Перевоспитатель для мажора

<https://litres.ru/74324799>

SelfPub; 2026

Аннотация

В его мире всё имеет цену. В её мире — всё стоит денег. Их жизни разделяли пропасть и взаимное презрение, пока судьба не поселила их по соседству.

Матвей Рождественский — «золотой» мальчик, для которого жизнь была бесконечной вечеринкой с отцовского счёта. Теперь, наказанный родителем, он вынужден выживать на мизерную сумму в хрущёвке у бабушки-прокурора.

Кристина Туманова не понаслышке знает цену деньгам: учёба, смена в кофейне и написание чужих курсовых — так она помогает семье и держится на плаву.

Когда их пути пересекаются на восьмом этаже, сталкиваются два непримиримых взгляда на жизнь. Он не понимает, как можно так существовать. Она презирает его беспомощность. Но в мире, где стены тонки, а обстоятельства заставляют идти на компромиссы, презрения может оказаться недостаточно. Готовы ли они заплатить самую высокую цену — изменить себя?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	57
Глава 8	64
Г	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Перевоспитатель для мажора

Пролог

— Каким местом ты вообще думал?!

Чем громче кричал отец, тем сильнее у меня раскалывалась голова. Я потянулся к стакану, заглатывая последние капли воды из него.

Выпитый антипохмелин нихрена не помогал.

— Как, просто объясни мне, — отец замер рядом, уперевшись руками в широкую столешницу из красного дерева. В его кабинете — все самое лучшее. Даже этот стол проехал километров больше, чем среднестатистический житель нашей страны за всю свою жизнь. — Как можно было просрать столько денег? В гребаном! Казино!

Я пожал плечами, отодвигаясь дальше. Когда орут тебе прямо в лицо — это не очень приятно, зато очень громко и чуточку мокро.

— Мне везло, — выпалил первое, что пришло в голову.

И тут же понял — сорвал последний предохранитель.

Отца подобные слова лишь взбесили еще больше. Я видел, как штормило его темные глаза, и на секунду показалось, что сейчас мне отвесят ощутимую отеческую оплеуху.

— Ты...!

Он не смог подобрать слова, но я в целом догадался, какой смысл папочка пытался вложить в свое многозначительное молчание.

— Саш, ну что ты, в самом деле, — влез в нашу немногословную разборку тонкий женский голосок из левого угла. Вероничка, что б ее. Мачеха моя, любимая. — Развлекся парень, с кем не бывает! Ты и сам в прошлый раз помнишь, сколько в Вегасе оставил?

— Двадцать тысяч! — продолжал рычать старший Рождественский, но уже не на меня, а на свою жену. Так ей и надо, хотя за попытку заступиться – спасибо. Но мы все здесь понимали, что Вероника делала это не ради меня.

Когда отец в поганом настроении, доставалось всем. Я-то свалю в свою квартирку, а Нике терпеть заведенного мужика до самого вечера, ведь у папочки сегодня выходной.

Ну, был, до тех пор, пока ему не сообщили, сколько я вчера списал со счета.

— Но не пятнадцать, мать его, миллионов!

Надо было видеть, как вытянулось обколотое ботоксом лицо Веронички. Да, мать, косякнул я знатно. Но все равно с разбитым тобой майбахом не сравнится – тачка-то побольше стоила.

— Ты так орешь, как будто мы от этого вдруг стали нищими, — буркнул я и опустил взгляд в стакан в надежде найти там еще хоть капельку живительной водички. Увы, мне не

везло.

Воздух в кабинете задрожал от напряжения. Отец медленно, как в замедленной съемке, выпрямился во весь свой немалый рост. Его пальцы, только что впивавшиеся в столешницу, разжались, и он засунул руки в карманы дорожных штанов. Это был плохой знак. Когда папочка переставал жестикулировать – жди беды.

— Нищими? — тихо повторил он. Голос был похож на скрежет пенопласта по стеклу. — Нет, Матвей. Нищим станешь ты. И твоя мачеха, которая, видимо, считает, что пятнадцать миллионов – это так, мелочь с потолка.

Вероника издала звук, похожий на писк пойманной мыши. Ее шелковый халатик дрогнул, когда она сделала шаг из своего угла.

— Александр, я ничего такого...

— Молчать! — он не повысил голос, но его тона хватило, чтобы срезать ей речь на полуслове. Тяжелый отцовский взгляд вернулся ко мне. — Ты прав. Мы не нищие. Но это – мои деньги. Заработанные. А не выпавшие с неба. И я устал смотреть, как вы двое их... просираете!

Он сделал паузу, подбирая слово. Лучше бы папа матерился и орал во все горло – так был шанс, что он перебесится и остынет. А сейчас... сейчас я понимал, что дело пахло не просто испорченным воскресеньем.

— Ты думаешь, дело в одном только казино? — отец покачал головой. — Дело во всем! В разбитой машине, кото-

рую она умудрилась вогнать в столб, — он ткнул пальцем в сторону побелевшей Вероники, а после перевел его на меня. — В твоих бесконечных вечеринках и «творческих поисках» вместо работы. В ее сумках, стоимостью как путевка на курорт. Последняя капля, Матвей. В море вашего плебейского разгильдяйства.

От этого слова меня передернуло. «Плебейство». Папочкин любимый упрек миру, который не умел жить по его, Рождественским, лекалам. Ком в горле из похмельного начал превращаться во что-то горячее и колющее.

— И что? Будешь читать мораль до вечера? — я изобразил безразличие, хотя внутри все сжалось от окрепшего предчувствия бури. — Или к делу перейдем? Чем ты там решил меня наказать? Лишишь наследства? Отправишь в монастырь?

Уголки отцовских губ дрогнули в подобии улыбки: ничего хорошего она не сулила. Экзекуция, которая пришла на ум папе, была куда страшнее, чем я готов был представить.

— Хуже, — теперь Александр Рождественский смотрел на меня с нескрываемым превосходством. На моем теле зашевелились даже те волоски, о существовании которых я не знал. — Монастырь ты или спалишь, или подведешь под другой монастырь. Нет, ты отправишься туда, где тебя точно перевоспитают.

Он взял паузу, прежде чем добить:

— К Маргарите Сергеевне.

Я замер. На секунду показалось, что мне послышалось, но прямой взгляд не оставлял сомнений: все я понял правильно.

— Ты... это серьезно? — я подскочил на ноги, не обращая внимания на головокружение и сухость во рту. — К бабке? В трешку с тараканами и запахом нафталина?

— Не передергивай, два года назад я сделал там ремонт, — парировал отец. — Тебе пойдет на пользу. Условия спартанские. Без твоих дружков-прихлебателей. Без клубов. Поживешь как обычные люди, может, начнешь ценить то, что имел. А твои машина и студия пойдут в оплату убытков. Учитывая размер твоего проигрыша, денег от продажи как раз хватит, чтобы его перекрыть.

— Ты не можешь забрать у меня квартиру! Она – моя!

На совершеннолетие отец подарил мне недвижимость – студию в центре, мой оплот свободы, мою холостяцкую берлогу. Я обожал свою халупу! На двадцатилетие мне досталась красная ауди, в которой я души не чаял. Собственно, это были единственные вещи, которые я холил и лелеял: хата и машина. Две мои любимые женщины.

— Но записана на меня, — пожал плечами отец. — Как и автомобиль. Так что можешь с ними попрощаться. Как и с кредиткой, которую я тебе заморозил.

Я бы мог стерпеть ссылку к Ба. Мог бы пережить замороженную кредитку. Но тачка! И квартира! Лишиться их – это как вырвать мне сердце из груди! Без наркоза!

— Ты не посмеешь!

Я шагнул вперед, грозно глядя на отца. Тот даже не вздрогнул.

— Уже посмел, — ровно ответил он. — Так что собирай вещи. Мой водитель отвезет тебя. С бабушкой я сам договорюсь.

Я знал, что он не отступит. Черт, да я его двадцать три года знал! И ни разу за это время отец не попрекал меня деньгами! Он, наоборот, откупался ими от меня, особенно когда завел себе Вероничку, что сейчас рассеяно переводила взгляд с меня на мужа и обратно. А теперь что, отеческая любовь закончилась?

— И как я, по-твоему, должен жить? — я сделал еще один шаг навстречу. — Бросить универ, устроиться на работу, вкалывать до полусмерти, так?

Отец хмыкнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение. Он словно ждал этого вопроса.

— Нет, университет ты не бросаешь. Последний курс. — Он сделал паузу, давая мне прочувствовать разницу между его спокойствием и моей истерикой. — Но учись закрывать долги сам, а не с помощью моих бабок. Тем более, от бабушки до твоего института можно дойти пешком. Полезно и для здоровья, и для осознания собственной глупости.

Папа подошел к бару, налил себе коньяка. Выпил залпом. И, глядя на жену поверх бокала, бросил уже спокойно, почти буднично:

— Ника, твои счета тоже замораживаются. С сегодняшнего дня все покупки — только с моего одобрения. Потренируешься в экономии вместе с моим сыном.

На лице мачехи застыла маска такого ужаса, будто ей предложили переселиться в землянку и закупать шмотки в секонд-хенде. Но я смотрел на отца, на его каменное, непроницаемое лицо, и понимал — это не шутка. Это приговор. Но не только Вероничке.

— Жаль, тебя тоже нельзя отправить к бабушке-прокурорше, — выдохнул папа, глядя на Нику, и повернулся ко мне. — Передавай Маргарите Сергеевне привет. Считаю, этот переезд — твой новый экзистенциальный опыт. Надеюсь, тебе там понравится.

В гробу я видал этот экзистенциальный опыт! И на кой только вчера приперся сюда, а не поехал из аэропорта сразу к себе? Слишком невменяемым был, когда тыкал в адреса в приложении такси. А теперь придется ехать в спальный район. К бабке. С чемоданом вины и парой дизайнерских худи, которые в ее доме будут смотреться как насмешка.

Отец развернулся к окну, спиной ко всем, демонстрируя, что разговор окончен. Вероника, бледная, как полотно, первой выскользнула из кабинета, не забыв при этом хлопнуть дверью и бросить на меня горящий ненавистью взгляд. Готов был спорить, она уже жалела, что пришла погреть уши, когда отец вызвал меня к себе.

Ну, с ней у нас теплых отношений никогда не было. Ее

ненависть переживу.

Я дождался, когда грохот, набатом отдававшийся у меня в голове, стихнет, и вышел, плотно прикрыв за собой дверь. В коридоре мой дорогуший, не распакованный после недельного загула в Европе чемодан стоял у стены. Теперь это был весь мой скарб – вряд ли отцовский водитель позволит мне заглянуть в квартиру, чтобы забрать оттуда хоть что-то еще.

Ключей, оставленных вчера на тумбе у входа, уже не было. Ни от тачки. Ни от хаты.

Я скрипнул зубами. Долбанная ссылка! Долбанное казино! На кой я вообще туда поперся?

Я толкнул чемодан ногой. Тот послушно покатился по паркету, будто и он понимал – спорить с волей хозяина наших жизней бесполезно. Словно в ответ, входная дверь отворилась, пропуская водителя.

— Матвей Александрович, вы готовы?

К изгнанию? К среднестатистической жизни? К нищете?

А к такому вообще можно быть готовым?!

Но кто бы меня спрашивал. Поэтому спустя минуту отцовский водитель на отцовском мерседесе увозил меня из тихого коттеджного поселка в сторону шумного города.

Навстречу бабушкиным блинам, нафталину и суровой жизненной прозе. Блядь.

Глава 1

Мне потребовалось минут пять, чтобы осознать, где я. Мозг после сна загружался медленно, как старый допотопный компьютер. Реальность прогружалась... да тоже небыстро. Рывками. Низкий белый потолок. Пластиковая люстра. Стены в нейтральных серых обоях.

Мебель... а вот мебель я помнил. Бабушкина. Новая, но, так сказать, «с историей». Вон тот шкаф я помогал тащить на восьмой этаж года три назад, когда Ба позвонила и сказала, что ей срочно нужна помощь, и попросила прихватить с собой парочку крепких парней.

Учитывая, что Маргарита Сергеевна в прошлом – прокурор, я первым делом подумал, что ее проблемы родом из ее профессиональной деятельности, поэтому подвязал друзей и рванул сюда, прогуляв последнюю пару. А оказалось, что она купила себе новый шкаф, а грузчики отказались его нести, потому что лифт не работал.

В общем, Ба у меня такая... с юморком. Черным.

На мое появление сегодня днем она отреагировала спокойно. Встречала у входа в своем цветочном брючном домашнем костюме, смотрела со свойственным ей прищуром, как я, пошатываясь от накрывшего похмелья, выползал из лифта, словно выкинутая под дождь псина.

— Ну, здравствуй, Матвеюшка, — вроде бы ласково по-

здоровалась Ба, а ощущение возникло такое, будто мне к виску приставили пистолет. — Проходи. Чувствуй себя как дома.

Да, кстати. Подъебать Ба тоже умела.

Никаких вопросов, никаких нотаций — без понятия, что именно ей сказал папа и как объяснил мою ссылку. Ба закрыла дверь, кивнула мне на ближайшую комнату и бросила бескомпромиссное:

— Спать, Матвей Саныч. И не смей показываться мне на глаза, пока не протрезвеешь.

Прошлый раз, когда я явился к ней пьяным, Ба затолкала меня в ванну и полчаса держала под ледяным душем. Не остановил ни мой возраст, ни то, что она худее и ниже меня ростом раза в два.

Когда Маргарита Сергеевна принимала решение, она перевоплощалась в настоящий танк. Трансформер, чтоб ее.

Я сел на кровати. Помню, когда папа решил подарить на юбилей бывшей теще ремонт, та сразу заявила, что хочет одну комнату обустроить как полноценную гостевую, поэтому здесь широкая двуспальная кровать, телевизор и шкаф-купе. Слева — небольшой мягкий уголок с журнальным столиком. Просто, но со вкусом, а ведь от услуг дизайнера Ба отказалась — все продумывала сама.

Оставленный посреди ковра чемодан ненавязчиво намекал, что теперь это — моя жилплощадь.

Из-за двери донесся запах еды. Что-то из забытого дет-

ства, кажется... пельмени? Сто лет не ел домашних бабушкиных пельменей.

Желудок протяжным стоном напомнил, что в нем со вчера ничего не было. Пришлось подниматься и лезть в чемодан, пытаясь найти там что-то поудобнее джинс. Нашлись шорты, в которых я обычно ходил плавать в бассейн – лучше, чем ничего. Толстовку сменил на мятую майку, уже представляя, какой нагонять за это получу. Но больше у меня ничего не было, и это станет проблемой – но не раньше завтрашнего утра.

Ба ожидаемо нашлась на кухне. Тот же брючный костюм, немного аляпистый, но на бабуле сидевший необычайно ладно. Две тарелки на столе, дымящиеся. Рядом – блюдо с солеными огурцами.

Черт. Словно мне снова десять лет.

— Ну, и чего замер? — недовольно ворчала Ба, доставая майонез из холодильника. Кухня у нее довольно просторная, но все удивительно под рукой. Кажется, это называется «эргономичное пространство». — Жрать подано, Матвей Саныч. Простите, что не ваши фуагра с устрицами, но чем богаты.

— Перестань, — я послушно сел на выставленную табуретку. — Так говоришь, словно я нормальной еды и не знаю.

— И когда ты последний раз ел пельмени?

Я неопределенно повел плечом. Не говорить же ей, что последний раз у нее же в гостях и ел, только уже лет дцать

прошло?

Пельмешки у бабули всегда удавались. Не магазинные, где один к одному, а местами неровные, местами – разного размера. Но такие вкусные, что язык проглотить можно. А уж закусывая огурцом..!

Кайф. Лучше всяких фуагра.

— И что, даже спрашивать ничего не будешь? — поинтересовался я, когда моя тарелка опустела примерно на половину.

— Сытые охотнее выдают правду, — с пробирающей до костей улыбкой ответила Ба. — Так что кушай, внучек. Кто ж его знает, когда я тебя в следующий раз кормить буду.

Она произнесла это так невинно, что у меня по спине пробежал холодок. Я доел пельмень, тщательно прожевал и отпил из стакана с компотом, услужливо подвинутым бабушкиной рукой.

— Папа тебе все рассказал?

— Александр звонил, — кивнула Ба, отставляя свою пустую тарелку. Ее порция была в разы меньше моей. — Сообщил, что ты у меня погостишь. Длительность визита, как я поняла, определяется исключительно твоим поведением.

— То есть, он не сказал... про причину? — осторожно поинтересовался я.

Маргарита Сергеевна сложила руки на груди. Ее взгляд и улыбка стали хитрыми, делая ее похожей на седую лисицу.

— Сказал, что ты совершил крупную финансовую ошибку.

ку. Очень крупную. Учитывая, что за это твой папаша даже обо мне вспомнил, рискну предположить, что цифра как минимум семизначная. Угадала?

Я скривился и почувствовал, что начал краснеть. Это оказалось... непривычно. Я даже перед отцом не стыдился, когда он сегодня утром додумался меня отчитывать. А вот Ба...

— Почти, — буркнул я и вернулся взглядом к тарелке, не добавляя, что промахнулась она всего на один нолик, но в большую сторону.

Я не мог сказать, что чье-то мнение было для меня непробиваемым авторитетом, но если кто и приблизился к этому званию, то это Ба. В детстве я ею восхищался — особенно тому, как она, не боясь, ставила моего отца на место. Чуть позже это восхищение трансформировалось во что-то иное — принятие, наверное. Но если на разочарование отца мне было плевать, то расстраивать бабушку почему-то не хотелось.

Из-за любви, наверное. Ведь если говорить о настоящих женщинах, которых я любил, то на ум приходила только она.

— Ну, ничего. Тебе это даже на пользу пойдет — денежный детокс. — Она взяла свою тарелку и отнесла к раковине. — Поэтому давай-ка сразу обговорим условия нашего совместного проживания.

Я отодвинул недоеденные пельмени. Аппетит пропал, зато проснулось любопытство.

Глава 2

— Правила простые. — Ба быстро и проворно помыла свою тарелку и вилку и теперь стояла у шкафов, вытирая полотенцем руки. Смотрела на меня она ровно, но так, чтобы у меня не возникло сомнений: споры недопустимы. — У меня не барская усадьба, а коммунальная квартира на одного человека. Завтрак в восемь. Обед в два. Ужин в семь. Опоздал — разогреваешь себе сам. Уяснил?

Я кивнул. А что оставалось делать? Спасибо, что еда в принципе включена в условия сосуществования, а уж микроволновкой я пользоваться умел. Готовить, вообще-то, тоже, но только яичницу. И хлопья с молоком. Ну, и бутерброды.

— Готовить на тебя я, так и быть, буду, — хоть в чем-то сжалилась Маргарита Сергеевна. — Но посуду моешь ты, прям с нынешнего дня. На ночь раковина должна быть пуста, или переведу тебя на сухпак.

— А не проще купить посудомойку? — я сложил руки на груди.

Когда я был маленьким, Ба всегда заставляла меня мыть за собой посуду. Я ненавидел это занятие! И безумно кайфовал, когда в доме у отца этим занимался специально обученный человек.

— А давай! — неожиданно согласилась она. — Сколько,

говоришь, у тебя денег есть?

Я открыл было рот, сказать, что подобная техника стоит сущие копейки, и... сразу его закрыл. Налички у меня отродясь не было, а карты... кажется, карты у меня теперь не больше чем закладки для книг.

Я теперь бомж. Буквально. У меня нет ни одной монетки, чтобы купить себе даже жвачку в переходе метро. Теперь месторасположение бабушкиной квартиры в пешей доступности от универса меня радовало. Сэкономлю несуществующие деньги на проезде.

— Вот-вот, — верно поняла мои мысли госпожа прокурорша и щелкнула кнопку на чайнике. Потянулась к шкафу, достала оттуда чашки, чайные пакетики. Меня едва не передернуло: раньше я пил только заварной, привезенный специально по моему заказу с чайной плантации. А этот суррогат я на дух не переносил. — Поэтому посуда за тобой. А я, так и быть, не буду брать с тебя квартплату и стоимость продуктов. Но в магазин ходишь тоже ты. Должна же быть от тебя, кабанчика, хоть какая-то польза — вон, тяжести поносишь.

— Идет, — не слишком довольнo буркнул я. Ощущать себя нищим, которого бабульки кормят из жалости, мне не понравилось, но, кажется, теперь это мое жизненное кредо.

Таскать пакеты, считать стоимость продуктов и выискивать мелочь по карманам. Кайф.

— Отец на твое содержание выделил десять тысяч в месяц, — разливая кипяток по бокалам, продолжила Ба спустя

паузу. — Деньги будешь получать в конце недели. Как ты ими распорядишься — не мои проблемы, но до следующего воскресенья чтобы не заикался о том, что тебе нужно еще.

Передо мной оказалась простая белая чашка с цветочками, наполненная черным чаем без сахара. Я смотрел прямо на дно и чувствовал, что сейчас это именно мое место: под грудой коричневой жижи.

— Погоди, — я даже не дернулся в сторону рафинада, который Ба выдвинула на центр стола. Несмотря на вчерашний проигрыш, считать в уме я умел. Просто не всегда пользовался этим навыком. Да и зачем, если у меня была безлимитная кредитка отца? — Он мне предлагает жить на два косяра в неделю? Да я на бензин больше тратил!

— Ну, теперь-то бензин тебе без надобности, — пожала плечами бабуля и опустилась напротив, сразу же потянувшись за конфеткой в вазочке, которая всегда стояла в углу рядом с салфетками. — А до университета тут дворами всего минут десять. Твоими шагами — и того меньше. Не переламишься.

Укол на тему потерянной тачки вышел болезненным. Я очень надеялся, что слова отца про компенсацию ущерба было всего лишь умелым блефом, и что машину и квартиру он продавать не собирался. Я же в них всю душу вложил! Лишиться их — это как руку себе оторвать. Сразу обе. Без наркоза.

Но сейчас моих любимок не было. Зато были домашние

пельмени на бабушкиной кухне, поганый черный чай с конфетками и чувство полной безысходности.

Чудесная новая жизнь, Матвей Саныч. Мои поздравления.

— Не кисни, Матвейчик, — Ба заботливо похлопала меня по руке, лежащей на столе. — Прорвемся.

Я криво улыбнулся. Прорвемся, угу. В пучину безнадеги если только. А ведь это еще никто не знает о моем эпичном падении! Страшно представить, что случится, когда хоть кто-то из знакомых поймет, что Матвей Рождественский теперь конченный нищий.

Снова стану звездой университета. Но теперь – в отрицательном контексте.

Энтузиазма на оставшиеся пельмени почти не осталось, но я покорно ел, припоминая бабулино расписание. Если она сказала, что второго ужина у меня не будет, значит, придется голодать до утра. А я, как бы сказать, не привык жить по расписанию столовой. Даже если она – бесплатная.

Ба молча потягивала свой чай. Сама она развернула только одну конфетку, которую ела, откусывая маленькие кусочки. На меня она не смотрела, но я чувствовал, что каждое мое движение она оценивала со своей профессиональной сноровкой бывшего мента. Или менты бывшими не бывают?

В дверном замке провернулся ключ, отвлекая меня от размышлений. Я недоуменно обернулся ко входу, испытывая наивную надежду, что это вдруг отец передумал, но...

— Теть Рит, это я! — донеслось из прихожей. Слишком женский голос, чтобы принадлежать Александру Рождественскому.

Я завис. Родственников у Ба, кроме меня, отродясь не было, племянниц — тем более. И кому она вообще додумалась дать ключи от дома?

Хлопок, шуршание пакета, сброшенная обувь. Три быстрых шага.

И немая встреча, как из фильма.

— Ты?!

Угу. Я. Вот и встретились, как говорится.

Глава 3

— Привет, Крис, — пробурчал я и вернулся к своим пельменям, стараясь выглядеть максимально незаинтересованно.

Не думал, что знакомые начнут узнавать о моих проблемах прямо сейчас. Хотя бы несколько часов покоя мне дали, черт побери.

Хотя, это же Кристина. «Знакомые» — слишком громкое слово для описания наших нынешних отношений. А если уж совсем честно, самым громким словом было и «отношения». Так, жили по соседству. Двадцать лет назад. Вместе бегали по двору, делились игрушками, а потом эта девчонка начала задира́ть нос и фырка́ть на каждое мое слово, выводя подобным поведением из себя при каждом посещении этого дома. Словно я каким-то образом лично ее обидел, хотя до сих пор так и не понял, в чем была моя вина.

Кристина выглядела уставшей, но все так же опрятной: темные джинсы, простенькая кофта, аккуратно собранные в хвост волосы. Работала она, кажется, официанткой в ближайшей кофейне, или уборщицей — точно не помнил, да и не особо интересовался.

— Кристиночка! — Ба буквально расцвела. Подскочила со своей табуретки, бросилась навстречу девчонке, которая чувствовала себя на этой кухне явно комфортнее меня: сразу прошла вглубь, чмокнула мою бабушку в щеку, поставила

пакет на столешницу рядом с плитой. — А я тебя сегодня не ждала.

Я продолжал уплетать пельмени, делая вид, что происходящее меня не касается, хотя каждое движение Кристины раздражало. Она знала этот дом, как свои пять пальцев, каждую полочку, каждый шкафчик. И это почему-то бесило.

— Да я в магазин забежала, — выгружая продукты, объясняла моя старая детская подружка. Пачка гречки, еще одна — макароны, коробка какой-то каши. Сливочное масло, хлеб. Базовый набор для одинокой старушки, который, видимо, Крис покупала на регулярной основе. — Решила и на твою долю захватить, а то у меня завтра смена допоздна. Не успею зайти.

— Ой, не надо было! — Ба уже тянулась за стаканом и наливала в него чай. Не тот, который мне — из другой пачки, той, что стояла на полке выше и выглядела подороже. — Не успела тебе сказать. Вон, у меня теперь свой доставщик есть.

Маргарита Сергеевна кивнула на меня, продолжая улыбаться, но вовсе не мне. Сложилось ощущение, что единственный ее внук в этой комнате — Кристина, а не я. Я был так, случайный гость, который заскочил на огонек и уже начинал надоедать.

И вообще, почему эта выскочка таскала моей Ба продукты?! С какой стати? Ба же не просила, не жаловалась. Или жаловалась, просто не мне?

— Этот, что ли? — Крис проворно разложила покупки по

своим местам, не спрашивая разрешения или совета. Ба ни слова ей поперек не сказала. Они работали как слаженный механизм: Кристина знала, где что лежит, а бабушка только согласно кивала. В мою же сторону девушка и не посмотрела, будто на кухне размером в восемь квадратов меня было так просто не заметить. — Я б ему не слишком доверяла. Его в наших магазинах сердечный приступ схватит, когда он поймет, что в них продают лук и морковь, а не трюфеля и омаров.

Я усмехнулся слишком громко – лучшие подружки тут же обернулись ко мне. Кристина наконец-то удостоила меня взглядом, и в нем не было ничего хорошего. Только привычное презрение и раздражение.

Складывалось впечатление, что Кристина мне завидовала: тому, что я из этого клоповника выбрался, а она – нет. Во всяком случае ее подколы на тему моего социального положения выглядели именно так. Как будто я специально уехал, чтобы ее унижить. Как будто моя обеспеченная жизнь была личным оскорблением в ее адрес.

— По-твоему, я не знаю, как выглядят лук и морковь? — спросил я, откладывая вилку. Пельмени уже остыли, да и аппетит потихоньку пропадал.

Крис смирила меня скептическим взглядом – тем самым, в котором отчетливо читалось «ты не стоишь моего внимания, придурок». Под этим девизом и проходили все наши встречи последние лет... дофига, короче. Примерно с тех

пор, как мы с мамой переехали к отцу в загородный дом. Кристина, видимо, восприняла это как предательство, хотя я тогда был еще ребенком и мало что понимал.

— По-моему, ты мог бы вспоминать о бабушке почаще, чем раз в пятилетку, — сложив руки на груди, бросила Кристина с очевидным упреком. Ее голос звучал резко, словно она пыталась расстрелять меня в упор каждой своей фразой. — Хотя, ты же настолько занят своими пустоголовыми друзьями и их шлюховатыми подружками, что пропадать на вечеринках и Мальдивах тебе сподручнее, чем хоть раз помочь родному человеку донести тяжелую сумку до дома.

В кухне повисла неловкая тишина. Ба замерла с чайником в руках, а я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Откуда она вообще знала про мои вечеринки? И про Мальдивы? Я действительно ездил туда пару лет назад с друзьями, выкладывал фото в соцсети... но какое Кристине дело до моей личной жизни?

— Кристина, не надо, — попросила Ба, но даже я понимал, что заведенную Крис не остановить. Голос бабушки звучал уверенно, почти приказно, но девчонка его проигнорировала.

Если моя Ба — настоящий трансформер, то Кристина — чертов десептикон: безжалостная, убийственная и прущая напролом. Когда она на что-то заводилась, остановить ее было невозможно. Я помнил это еще с детства.

— А чего не надо, тетя Рит? — она обернулась к бабуле и

на секунду растеряла свой боевой настрой, когда принимала из ее рук стакан с чаем: сподобилась на милую улыбку, но всего на секунду. Потом снова перевела взгляд на меня, и в ее глазах загорелся огонь. — Где он был, когда ты в прошлом году ногу сломала и с трудом по дому ходила? А когда на тебя полка упала, и ты руку вывихнула? Он хоть раз позвонил узнать, надо ли тебе помочь?

С каждым словом я хмурился все больше. Что вообще несла эта девчонка? Какая сломанная нога? Какая вывихнутая рука? Ба никогда мне ничего не говорила. Ни слова. Даже намек не было. Когда я звонил — а я звонил, хоть и нечасто — она всегда говорила, что все хорошо, что все в порядке, что не нужно беспокоиться.

Но по тому, как Ба поджимала губы, я понимал, что все сказанное — правда.

Пиздец! Почему я об этом узнаю только сейчас?

Глава 4

— Ты почему мне ничего не говорила? — спросил я напрямую у бабушки. Получилось резче, чем я хотел, но вполне подходяще обстоятельствам.

Она лишь отмахнулась, отворачиваясь к шкафам, но я заметил, как дрогнули ее плечи. Словно она пыталась скрыть что-то, что ей самой было неприятно вспоминать. Зато за нее с радостью ответила Крис.

— Да потому что тебя, идиота, отвлекать от твоей счастливой жизни не хотела! — очередной упрек прилетел как бита в голову. Несмотря на весь тот негатив, который ко мне испытывала Кристина, правда в ее словах была — неприятная правда.

Последние годы я действительно мало интересовался жизнью Ба. Созванивались в лучшем случае раз в неделю — по ее инициативе, разумеется. Я даже трубку не всегда брал, если был занят. Потом перезванивал, конечно, но... наверное, тоже не всегда. А иногда и вовсе забывал, обещая себе наверстать завтра, которое превращалось в послезавтра, а потом и вовсе растворялось в потоке вечеринок, поездок и бесконечных «важных» дел.

Мы и до этого были не слишком близки — пока мама еще была жива, виделись часто, а как ее не стало, визиты сошли на нет. Ба не жаловала отца, он, кажется, немного ее побаи-

вался. У нас в гостях Маргарита Сергеевна вообще ни разу не была, а я заезжал в лучшем случае два-три раза в год, по большим праздникам. Подарки завезти, блинов покушать. Не более.

Сейчас же я понимал, что пропустил огромный кусок ее жизни. Тот, в котором из строгого прокурора, которого боялся весь город, она превратилась в добропорядочную пенсионерку. В котором ее волосы окончательно побелели, а вокруг глаз собрались глубокие морщинки.

В котором моя Ба ломала себе ноги и выворачивала руки, а я об этом даже не знал.

— Ничего серьезного, — отмахнулась бабуля, отворачиваясь к шкафу. — Видишь? Живая! Значит и переживать не о чем!

Но я-то видел, как она прихрамывала, когда шла к столу. Как левая рука двигалась чуть скованнее правой. Мелкие детали, на которые раньше не обращал внимания, теперь выпирали, как шрамы на теле. И каждый из них кричал мне в лицо: ты не был рядом, когда она нуждалась в тебе.

Краем глаза я видел, как Кристина закатила глаза, сжав губы в тонкую линию. Наверняка ей было, что еще сказать мне по этому поводу, и я, если честно, был не против послушать про другие секреты Ба, поэтому переводил взгляд на девчонку, но та спрашивала о другом:

— И надолго у тебя личный доставщик появился?

Меня перекосило не столько от напоминания, сколько от

понимания: вот сейчас эта стерва с самомнением размером с данную многоэтажку от души пройдет по моему положению.

— Пока не поумнеет, — ровно ответила Ба, доставая... коробку конфет. — Садись, Крис. Я тут недавно конфетки твои любимые купила.

Я в немом шоке смотрел, как на стол опускалась подачка, а за стол — та, кому она предназначалась. Причем, Кристина даже табуретку подвинула, чтобы быть подальше от меня.

Словно я чумной какой-то.

— То есть навсегда?

В серых глазах разгорелся огонь понимания. Черт.

А эта сучка еще отхлебнула чая, взяла из коробки конфету, похожую на пирамидку, и, прежде чем положить ее в рот, уточнила:

— Неужели Матвея Батьковича отправили на перевоспитание?

Вроде бы, обычный вопрос. Обычным голосом. Да, с подтекстом, но ничего же в нем не было, да? А в ответном взгляде столько надменности, веселья и, твою мать, радости, что я готов остатки майонеза вывалить на голову этой девчонки. Или лучше — схватить ее за горло и встряхнуть так, чтобы все эти ехидные улыбки посыпались с нее, как конфетки из коробки.

Но я — кремень. Не дам Крис понять, насколько она права. Не покажу, что ее слова попадают в цель точнее, чем пуля

в яблоко. Я буду держаться, даже если внутри все переворачивается и горит от стыда и злости.

— Типа того, — равнодушно бросил я, потянувшись к конфетке.

И тут же получил по рукам от Ба.

— Это не тебе, — отрубила она и подвинула чертову коробку ближе к противоположному краю. — Кстати, Кристиночка. Вы же с Матвеем учитесь вместе? Я бы хотела тебя попросить взять над ним шефство, чтобы он не опаздывал на занятия. Да и вам веселее будет ходить вместе, как ты думаешь?

Кажется, сморщились мы одновременно, но если Крис попыталась завуалировать свою реакцию под улыбку, то я не стал настолько лицемерить. Внутри все сжалось в комок. Шефство? Надо мной? Эта ядовитая мегера будет следить, чтобы я не опаздывал? Как будто я какой-то первоклассник, которого нужно водить за ручку в школу!

Одна мысль о том, чтобы ходить под надзором девчонки, выводила меня из себя. Каждое утро видеть ее самодовольное лицо, каждое утро выслушивать ее колкости по дороге к универу. Нет, это было слишком. Слишком унижительно. Слишком больно для моего и без того израненного эго.

— Ба, мне не пять лет, если что, — напомнил я, вцепившись в свой чай.

Гадость неимоверная. И это я не только про напиток. Вся эта ситуация, вся эта жизнь, вся эта унижительная реальность

— все было гадко до тошноты.

— Ну да, на пять ты не тянешь, — неожиданно согласилась со мной Кристина, окинув взглядом верхнюю часть моего туловища в помятой майке. — Максимум на три, да и то исключительно из-за роста.

— Кристина! — одернула ее Ба, но сделала это как-то без задора. Скорее, для проформы.

— Я, конечно, с радостью, тетя Рит, — обернувшись к ней, девчонка улыбнулась. К слову, вот такая улыбка Крис шла — сразу делала ее девушкой, а не мегерой из легенд. Но только смотреть надо было в профиль, чтобы взгляда не видеть: он с головой выдавал ее стервозную натуру. — Если у нас расписание будет совпадать.

— А я уже проверила, оно у вас совпадает! — излишне радостно заявила бабуля, забирая мой стакан из-под компота. — Во все дни, кроме пятницы.

Заебись. И когда она только успела все узнать? Она что, с самого утра строила планы по моему закреплению? Или еще вчера, когда папа звонил, они уже все обсудили, как меня будут водить за ручку?

— У вас на кафедре методистом Ирина Александровна работает, — с готовностью пояснила Ба. Неужели я задал вопрос вслух? Но, судя по тому, как спокойно реагировала бабуля, а Крис не прожигала меня ненавидящим взглядом за мат, свои эмоции удержать мне удалось. — Она состоит в нашем книжном клубе. Замечательная женщина! Кстати, за-

нятия у вас тоже одновременно заканчиваются, так что Матвейчик может тебя и до работы провожать.

Я чуть не поперхнулся воздухом. Провожать? Эту стерву? До работы? Да я лучше пешком до Мальдивов дойду!

— Спасибо, конечно, Матвейчику, но я как-нибудь сама, — криво улыбаясь, ответила Кристина, и в ее голосе я уловил ту же ноту облегчения, что звучала и во мне.

Очевидно, идея проводить со мной время ей не заходила. Мне — тоже. Как хорошо, что мы оба так считали. Хотя бы в этом мы были едины.

— Вообще-то у меня после пар дела, — решил я напомнить о том, что мое мнения спрашивать тоже все-таки стоило. Я не какая-то вещь, которую можно передавать из рук в руки, как посылку.

— И какие же? — не преминула уточнить Ба, и в ее голосе прозвучала та самая нотка, которая означала: «Я знаю, что ты сейчас соврешь, но продолжай, мне интересно послушать».

— У меня есть друзья, — сложив руки на груди, пояснил я ей, делая вид, что не заметил, как Крис закатила глаза. — И девушка.

— Та белобрысая кукла, которая дочка ректора? — лениво протянула мегера, отпивая чай, и в ее голосе прозвучала такая ядовитая сладость, что меня чуть не вырвало.

Теперь мне захотелось закатить глаза, а желание встряхнуть девчонку погасить удалось невероятным усилием воли.

— А что, ревнуешь? — не смолчал я.

Ба как-то странно на нас посмотрела, но... промолчала. Словно наблюдала за поединком двух гладиаторов и ждала, кто первым упадет.

— Боже упаси! — Крис отставила чашку и подхватила еще одну конфетку. — Помнится, год назад она встречалась с Пономаревым, помнишь такого? Летом его отца посадили, а сынишке значительно урезали бюджет. И Полина, как настоящая жена декабриста, сразу же его бросила.

Стерва улыбнулась, демонстративно закладывая угощение в рот, и я видел, как она наслаждалась каждым моментом моего унижения. Как кошка, которая поймала мышь и не спешила ее убивать.

— Не боишься, что с тобой будет так же, мажорчик на мели?

Один вопрос, а чувствовался так, словно мне к шее при- ставили нож. Но самое страшное — я знал на него ответ. Знал, что Полина не та девушка, которая будет терпеть парня без денег. Знал, что наши отношения построены на положении, на деньгах, на том, что мы красиво смотрелись вместе на фотографиях в соцсетях.

— Нет, — сухо отрезал я, не желая признавать, что на слова старой подружки у меня в душе шевельнулось сомнение, а не уверенность. Но оно было там. Колючее, неприятное, как заноза под ногтем. И чем больше я пытался его игнорировать, тем громче оно звенело.

— Настоящей любви на деньги наплевать, — задумчиво и романтично, словно в никуда, проговорила Ба.

Настоящей, может, и плевать, но у нас с Полинкой любви в принципе не было. Был секс, веселье и «статус». Потому что с кем еще встречаться дочери ректора, как не с сыном главного застройщика города?

Впрочем, статуса меня никто и не лишал. Я же не как лох Валерка Пономарев, чей придурок-папаша в один миг слетел с бизнес-олимпа и похоронил этим будущее сына. Я все еще сын миллионера. Просто... временно без доступа к миллионам.

— Ну, посмотрим, — с таким видом протянула гласные Кристина, что я сразу понял: она купила себе билеты в первый ряд. — Тогда завтра с утра зайду. А сейчас побежала я. Спасибо за чай и вкусняшки, тетя Рит!

Крис подскочила на ноги, еще раз чмокнула Ба в щеку и быстро скрылась не только с кухни, но и из квартиры — хлопок двери хоть и был тихим, а по нервам мне знатно заехал. Как будто она захлопнула не дверь, а крышку гроба над моей старой жизнью.

Пиздец, конечно. Нянька нашлась.

— Ты бы полюбезнее с Кристиной, Матвей, — неожиданно прокурорским голосом произнесла бабуля. — У нее жизнь не сахар, ей и без тебя тяжело.

— А у меня, можно подумать, рай на земле! — съязвил, отодвигая от себя так и недоеденный пяток пельменей. Ап-

петит не возвращался. Вообще ничего не хотелось. Ни есть, ни пить, ни жить. Только лечь и закрыть глаза, чтобы все это исчезло. — Ей бы язык укоротить, и никаких проблем.

Хотя, я бы еще ей глазищи выдрал. Или хотя бы припрятал за очками. Так, гляди, и ужиться сможем.

— Я серьезно, — добавив еще больше стали в голос, произнесла бабуля, нависая надо мной всем своим маленьким ростом. Как будто она снова была тем прокурором, который мог одним взглядом заставить признаться в любом преступлении. — Она на себе всю семью тащит, учится, работает, в отличие от тебя, остолопа! Так что засунь свое обиженное эго куда подальше и веди себя прилично. Иначе жизнь в этом доме я тебе тоже усложню!

Внутри колыхнулась обида. Я, вообще-то, единственный внук Ба. Родной! Да она меня, можно сказать, до пяти лет воспитывала, пока мама на работах пропадала и пыталась строить отношения! Это меня она должна была любить и защищать, а не девчонку-соседку!

Но получалось наоборот. И это злило. Злило так, что хотелось кричать, бить кулаками по столу, сломать что-то. Но я ничего не сделал. Просто сидел и молчал, потому что понимал: любая моя реакция только подтвердит, что я действительно тот самый остолоп, которым Ба меня назвала.

— Я тебя услышал, — встав, сквозь зубы выдавил из себя. Задвинул табуретку, убрал пельмени в холодильник, ополоснул посуду, оставшуюся после меня и чертовой Кристиноч-

ки (ее чашку не хотел, но этот прожигающий взгляд в спину!..). А после подхватил остывший чай, кинул туда два кубика рафинада и, сообщив, что выпью его в комнате, ушел.

Надо было подумать. О смысле жизнь, смысле денег, и как совмещать наличие первой с отсутствием второго, особенно когда в надзирателях у тебя бывший прокурор и ее ядовитая соседка.

Глава 5

— Подъем, Матвей Саныч! — яркий свет резанул даже через закрытые веки. — Тебя ждут великие дела. И Кристина. Она выходит через полчаса. Как раз успеешь позавтракать.

На этой «позитивной», по мнению Ба, ноте она удалилась из моей комнаты, а я... повернулся на другой бок и спокойно заснул.

Вчера я до половины ночи сидел втыкал в телефон и думал, что мне делать дальше. Определенно, пытаться продать отца — глупо. Он не купится на «пап, я все понял», «прости дурака» или «исправлюсь». Нет, ему нужны какие-то реальные поступки, иначе я так и останусь в этой трешке с Ба, без денег, без машины, без квартиры. Без всего, что делало меня... мной.

Мысль была неприятной. Я всегда считал, что моя личность — это не про деньги. Что я интересный, умный, обаятельный парень, с которым просто приятно проводить время. Но сейчас, когда все это отняли, я начал сомневаться. Кто я без дорогих маек, без красной ауди, без студии в центре? Просто Матвей Рождественский. Сын миллионера, который проиграл в казино больше, чем многие зарабатывают за жизнь.

И что в этом интересного?

Второй раз Ба разбудила меня уже более радикальным методом: стаканом холодной воды, вылитой прямо на лицо. Я подскочил, ругаясь, но бабуля уже стояла в дверях с видом победителя.

— Двадцать пять минут, Матвейчик. Кристина не будет ждать.

И снова эта Кристина! Вот бы она сегодня проспала. Но я понимал, что так охеренно мне повезти просто не могло.

На автопилоте я дотащился до ванной. Там, в простом белом стаканчике, меня ждала новая, еще в упаковке зубная щетка и такой же нераспакованный бритвенный станок. Рядом – пена для бритья. Наверное, стоило поблагодарить Ба за такую заботу.

Но дома у меня была электробритва. Нормальная зубная паста, лосьон, ополаскиватель, тот же шампунь стоимостью больше, чем все тюбики на полках в этих двух квадратных метрах. А теперь мне бриться станком «жиллетт»? А зубы чистить «сладкой мятой» с неопознанным логотипом?

Ладно. Ла-а-адно. Выдохнули. Зубы – хрен с ними, переживут. Но лицо... я скептически осмотрел себя в зеркало и понял, что двухдневная щетина вполне себе неплохо смотрелась на моей физиономии, поэтому с ее удалением можно повременить. А попозже я подумаю, что с этим делать.

Стоило только появиться на кухне, как Ба уже ставила перед моей табуреткой тарелку с омлетом и стакан чая. Восемь утра, а она уже вся такая бодренькая, как будто выпила литр

энергетика. Даже завидно стало.

— Ешь быстро, — бросила она, не глядя на меня, и принялась вытирать столешницу у плиты. — Кристина пунктуальная, опоздаешь — пойдешь один, а я потом с тобой разберусь.

Я хотел было сказать, что один — это даже лучше, но промолчал. С Ба в таком настроении спорить было себе дороже.

Омлет оказался на удивление съедобным, хотя я обычно завтракал в кафе или вообще пропускал утренний прием пищи. Сейчас же пришлось есть то, что дали, и быть благодарным.

Я допивал чай, когда в двери снова повернулся замок. Я словил себя на жестком ощущении дежа вю.

— Доброе утро! — донеслось не менее бодрое от двери.

— Привет, дорогая! — Ба просияла, но от своего занятия не отвлеклась. — Мы на кухне. Чай будешь?

Перед глазами встала вчерашняя сцена, как Крис сидела напротив, точила какие-то «особенные» конфеты, которые после ее ухода Ба снова куда-то запрятала, и прожигала меня насмешливым взглядом. Сразу захотелось забиться в комнату и притвориться мертвым. Но я понимал, что это не поможет. Бабуля все равно найдет способ меня достать.

Я услышал шаги, и через секунду на кухне появилась Крис. В светлых джинсах, простой черной футболке и клетчатой рубашке, накинутой поверх. С правого плеча свисал небольшой рюкзак. Выглядела Кристина... нормально.

Обычно. Не как ядовитая мегера, а как простая студентка, которая шла на пары. Это почему-то раздражало еще больше, учитывая, что я до сих пор сидел в одной мятой футболке и боксерах. В шортах оказалось жутко неудобно спать.

— Ты так пойдешь? — усмехнулась Крис после того, как отказалась от чая. И стащила с моей тарелки кусок омлета.

Она залезла в мою еду пальцами! Грязными, немытыми пальцами! Которыми только что открывала дверь, ведущую в подъезд.

Клянусь, меня чуть не вывернуло.

— Спасибо, Ба, я наелся, — отодвигая от себя тарелку, произнес я, поднимаясь. — Пойду переоденусь.

Я уже шагнул в сторону, представляя, как через два метра избавлюсь от внимания стервы-Крис, но вдруг на всю квартиру прозвучало грозное:

— Стоять!

Ну, встал. А хрен ли мне делать?

— Посуду забыл.

Я тихо выругался сквозь зубы.

— А может... — я хотел предложить помыть ее после занятий, но Ба раскусила меня еще на середине предложения.

— Даже не думай.

Кристина все еще стояла около стола. Теперь она, не стесняясь, подхватила мою вилку и точила мой омлет, словно вкуснее в жизни ничего не ела.

Из вредности отнял у нее тарелку и выкинул остатки в

помойное ведро. Крис восприняла это спокойно, а вот Ба...

Ба сразу же вlepила мне подзатыльник полотенцем.

— Даже не думай мне больше так переводить продукты!

— грозно заявила она, пока я почесывал пострадавшую конечность. — Лучше бы кота завела! Меньше отходов было бы!

Улыбка соседской стервы пекла мою лопатку все то время, что я ополаскивал несчастную тарелку и стакан.

— Вилочку еще забыл, — когда я уже выключил воду и вытирал руки, Крис вдруг положила прибор точно посреди пустой раковины.

По глазам я понял, что сделала она это специально: дождалась, когда я закончил.

— А мы случайно не опоздаем? — выдавил я из себя, сжимая из всех рук полотенце и представляя на его месте одну девичью шею.

— Не переживай, я знаю короткую дорогу.

Я тоже знал одну: короткую дорогу к смерти наглой девчонки. Но... за ее спиной маячила Ба. И я решил перетерпеть.

Через пять минут, когда я с трудом откопал в чемодане более или менее приличную футболку, а джинсами ограничился вчерашними, мы попрощались с Ба в коридоре. Она молча сунула мне в руки связку с ключами и три купюры: две тысячные и одну пятисотку. Мой недельный паек, чтобы его.

— Трать с умом, — напутствовала меня Ба под веселый

взгляд своей соседки.

Но как только за нами закрылась дверь, милую улыбку сдуло с лица Крис.

— Значит так, Мажорчик, — холодно произнесла она, нажимая на кнопку вызова лифта. — Давай на берегу проясним парочку моментов.

Мне не хотелось ничего прояснять, но выбора у меня не было: лифт приехал слишком быстро, а в узкой кабине избежать беседы, находясь с человеком, ее ведущим, наедине, оказалось невозможно.

— Маргариту Сергеевну я безгранично уважаю и расстраивать не хочу, — говорила Кристина, глядя точно в закрытые створки. Словно и не со мной разговаривала. — Но и нянчиться с тобой я не собираюсь.

Я усмехнулся.

— Что же тогда не отказалась?

— Твоя бабушка в свое время очень мне помогла, — с нажимом отрезала Крис, но сразу же перевела тему. — И хоть ты – придурок, я готова тебя потерпеть до выхода из двора. Переживу как-нибудь.

Кабина дернулась и остановилась на первом этаже. Мой утренний мозг еще не до конца соображал, поэтому, только когда мы вышли на улицу, я додумался спросить:

— Разве универ на выходе из двора?

Помнится, Ба просила провожать меня точно до корпуса. Крис отработанным движением руки собрала волосы и,

подцепив с запястья резинку, стянула их в хвост.

— Окна квартиры твоей бабушки смотрят только во двор. Дальше она все равно ничего не увидит.

Я об этом не подумала, и... это воодушевляло. Значит, мне нужно было потерпеть всего каких-то пятнадцать метров надзора? Фигня делов!

До арки мы дошли в полном молчании, а сразу после Крис так резко замерла, что я едва ее не снес. Говорю же: мозг еще не проснулся. Я воспринимал информацию, даже зрительную, медленнее обычного.

— В общем, так, — поправив лямку от рюкзака на плече, Кристина повернулась ко мне. — До универа доберешься сам. Если дорогу не знаешь – навигатор тебе в помощь. Но старайся, пожалуйста, идти так, чтобы никто не подумал, что мы знакомы.

План мне безумно нравился, но признаться в этом вот так не позволяло самолюбие, поэтому я все-таки уточнил:

— Боишься, что тебя увидят с главным красавчиком универа?

Крис закатила глаза так далеко за веки, что я всерьез поверил, что обратно они уже не вернутся. Увы, и тут не повезло.

— Боюсь, что меня увидят с главным придурком универа, — резко бросила она и махнула рукой. — Чао, Матвейчик. Надеюсь не увидеть тебя до завтра.

И она просто пошла дальше, даже не думая оборачиваться

и проверять, шел я за ней следом или нет.

Я бы и не пошел, если честно. Я вообще не помнил, когда приходил к первой паре, потому что в расписании на ее место обычно ставили самую дичь, но... А почему, собственно, я должен отказываться от традиций?

Дождавшись, когда фигура надзирателя скрылась за углом, я достал телефон и набрал Олежке, редкостному мудаку и по совместительству – своему лучшему другу. Он, ожидаемо, тянул до последнего, прежде чем принять вызов и бросить свое сонное «Алло».

— Выпьем по капучино в кофейне у универа? — без приветствия поинтересовался я.

— Сейчас? — Устинов явно не понимал, чего я от него хотел.

— Давай, подкатывай. Я буду через пятнадцать минут, — не предложил, а поставил перед фактом и отбил вызов до того, как Олег успел закончить фразу «ну ты долб...».

Мне надо было поговорить с нормальным человеком и вывалить на кого-то все, что произошло со мной за последние два дня. Устинов – прекрасный вариант. В его лояльности я не сомневался, потому что с этим говнюком мы прошли все, что только можно: и совместные рейвы, и посиделки в катажке, и даже общих девок. В общем, настоящая мужская дружба.

Если Олег к моей временной нищете отнесется нормально, то и с остальными проблем не будет.

Во всяком случае, я очень на это надеялся.

Глава 6

— Бля, серьезно?! — Олеженька аж своим кофе поперхнулся, когда я ему сообщил, что меня от денег отстранили. — Сколько же ты в том казино оставил, что твой папаня так жестить начал?

Я перемешал сахар в своем капучино. Пришлось ради него попрощаться с фиолетовой бумажкой. Мне с нее, правда, сдали сдачу, но не буду же я, как последний бомж, мелочевку подбирать?

— Пятнадцать лямов, — произнес я, поднося стаканчик к губам.

Устинов поперхнулся еще раз, на этот раз даже оплевал пол стола, и теперь вытирал салфеткой губы, глядя на меня так, будто я признался в убийстве Кеннеди.

— Мот, ты совсем ебанутый? — наконец, выдал Олег. — Пятнадцать! Ты там бухой в хламину был, что вообще не соображал? Или как?

На наши европейские выходные Устинов с нами не поехал – он у нас спортсмен, баскетболист, ему соревнования пропускать было нельзя. Остальная же компания – я, Андрей, Мирон, Полинка и пара ее подружек решили отвлечься от мирской жизни и гульнуть, посетив парочку городов и с десяточек баров. За выходные не уложились, поэтому продлили их себе на неделю.

Идея с казино принадлежала Андрюхе — он у нас самый оторванный. Почему мы поддержали? Показалось прикольно. Кто-то проигрывал, кто-то выигрывал, мы пили, ржали, проигрывали и выигрывали снова. А потом с рулетки Андрей потащил нас за покерный стол.

Девчонки слились сразу. Макар вылетел после трех раздач и отказался играть дальше, мол, карты — не его игра, там думать надо, и он лучше пойдет еще покидает шарик. Мы с Гриневым остались, но и он через пару кругов остался без фишек — правда, не ушел, а остался давать мне советы. И бегал за вискарем.

Наверное, нехрен было его слушать. Но я тогда на адресалине был, и поэтому, когда фишки заканчивались, я шел докупаться, не задумываясь о цене. Надо было как Макар — остановиться, выдохнуть, перекурить — хотя я и не курил никогда. Но...

Я остановился только тогда, когда желающих играть больше не нашлось — это уже под утро было. Да и Андрей над ухом нудел, что скоро самолет. А то бы и больше просрал в том страном месте.

— Давай хотя бы ты без нотаций, — попросил я Олега, рассматривая вид за окном. — Сам знаю, что косякнул.

Краем глаза я видел, как Устинов покачал головой.

— Ладно, херня. Денег подкину, если надо, — на этом предложении я невольно скривился. Попрошайничать я точно не собирался. — Но с жильем — сорян. Сам знаешь, у меня

в хате ремонт, самому приходится у предков страдать. Пару дней, конечно, можешь перекантоваться, но дальше у маман и папан уже нервы сдавать начнут.

— Спасибо, лучше у Ба.

Родители у Олеженьки... с прибабахом немного. Занимаются какими-то международными поставками, но все это проворачивают из дома, поэтому гостей не жалуют. Да, понимал, двадцать первый век, удаленки и прочее, но у них даже офиса не было! Рождественский старший, например, из своего никогда не вылезал. А эти умудрялись заколачивать миллионы, сидя на диване.

Я им откровенно завидовал. И не только тому, что у них работа такая, но еще и отношениям с сыном. Устиновы своего поддерживали даже тогда, когда он творил дичь вроде залетов в ментовку или публичных драк. Мой же замечал только недостатки. Это... выбешивало.

Олегу в этом плане повезло больше. Но походы в гости к нему всегда сопровождались чувством, что вот сейчас меня начнут выгонять.

Когда он съехал, стало проще. Еще проще стало, когда съехал я. Но пару месяцев назад соседи сверху устроили моему другу водяной «привет», поэтому теперь вся хата экстренно реанимировалась толпой гастарбайтеров.

Получается, мы теперь оба бездомные. Но у Олежки хотя бы примерные сроки возвращения есть.

В этот момент колокольчик над дверью зазвонил, сообщая

о новых посетителей. Нужды оборачиваться не было: по раздававшемуся смеху было понятно, что это — вся наша кампашка.

— Это ты их позвал? — спросил у Олега.

Тот пожал плечами.

— А то они не знают, где нас искать в это время.

Андрей и Мирон уже заметили нас, и теперь целенаправленно тащились к столику. Точно за ними по узкому проходу шла Полина, покачивая бедрами так, словно она на подиуме.

— Мо-о-от, здорово! — радостно протянул Андрюха, протягивая мне руку. Я даже не стал подниматься: Гринев уже заваливался на диван по правую руку от меня и похлопывал по плечу. — Ты где пропал? Договаривались, что заедем к тебе вечером, отметим возвращение. Мы с Полькой полчаса под твоим подъездом торчали!

«Полька» тем временем опустилась напротив, рядом с Олегом. На меня она демонстративно не смотрела. Обиделась.

Я... забыл, если честно. Вчера вечером перевел телефон в авиарежим, а сегодня просто смахнул в сторону все уведомления о пропущенных, даже не разбирая.

— Я там больше не живу, — просто ответил я, надеясь, что этого будет достаточно. Но если Андрей еще мог отмахнуться, то не Мирон, придвигавший стул от соседнего стола.

— Тебя что, из дома выгнали? — спрашивал в итоге именно он.

— Типа того, — я глотнул кофе, но даже с двумя ложками сахара и ореховым сиропом он казался мне непростительно горьким.

— По-твоему, это — оправдание? — наконец подала голос Полина.

Я поднял на нее глаза.

Красивая она, конечно. Ноги, руки, сиськи, задница. Белокурые локоны, голубые глаза, на лицо — красotka. Легко могла бы стать моделью, если бы не глубинное желание получать все, не делая ничего. Избалованная девчонка, которая на учебу ходила только для того, чтобы от папочки-ректора не получить по мозгам. А отметки ей ставили за фамилию. Так и держалась.

Полина привыкла быть в центре внимания. И когда ее этого внимания лишали, она... зверела.

— Я не думал, что это так важно, — попытался я оправдаться, но звучало это слабо даже в моих ушах.

— Не важно? — Полина подняла брови, и в ее голосе зазвучали нотки, которые я знал слишком хорошо. Это был предвестник скандала. — Мы договорились встретиться! Я отменила планы ради тебя! А ты даже не удосужился предупредить, что не придешь!

Андрей и Мирон переглянулись, явно чувствуя нарастающее напряжение. Олег тихо вздохнул и отхлебнул из своего стакана, делая вид, что его это не касается. Предатель.

— Полин, я же сказал, что у меня проблемы, — я попы-

тался говорить спокойно, но внутри все закипало. Не хватало еще, чтобы она здесь устроила истерику. — Я не специально забыл.

— Какие проблемы? — она сложила руки на груди, и теперь уже все смотрели на меня. Даже посетители соседних столиков начали коситься в нашу сторону. Я чувствовал их взгляды на своей спине, как иголки. — Что за проблемы такие важные, что ты даже не мог позвонить?

Я глубоко вздохнул. Лучше вывалить все сразу, чем тянуть эту пытку. Тем более, что скрывать уже не имело смысла — рано или поздно все равно узнают.

— Папа узнал про казино, — начал я, глядя прямо на Полину. — И про то, сколько я там проиграл.

В кофейне стало тише. Мирон перестал ковырять телефон, Андрей замер с полуоткрытым ртом, а Полина... Полина фыркнула.

— И что? — она закинула ногу на ногу, постукивая коготками по столешнице. — Я тоже там нормально оставила. Докинула на кредитку из своих и все, папа даже не узнал.

— Окей, — я сел ближе к столу и уложил на него локти, подаваясь вперед. — Может, тогда одолжишь мне пятнадцать лямов, чтобы мой тоже ничего не узнал?

Теперь тишина стала оглушительной. Все не просто смотрели, они пялились на меня как на пришельца. Даже обиженная Полина.

— Пятнадцать? — хрипло поинтересовался Андрюха, а

потом хохотнул — немного истерично, как мне показалось.
— Я думал, ты всего пару раз докупался.

— Ты тогда вообще не думал! — рыкнул я на него. Не скажу, что я винил в случившемся Гринева... но да, винил. Частично. В том, что из-за него я оказался втянут в эту глупую игру.

— Воу-воу, — он выставил перед собой руки и чуть отодвинулся от меня. — Полегче, друг! Я тебя не заставлял сливать папочкины миллионы в покер!

Я бы хотел его ударить, честно. Но драки — не тот способ, которым я привык решать проблемы, по этой части у нас больше Олег.

— И что дальше? — Полина, судя по вопросу, уже взяла себя в руки. Ее интонации вновь стали обвинительными. — Отец у тебя телефон забрал, что ты не мог позвонить?

— Отец у меня деньги забрал! — уже не сдерживаясь, орал я на нее и на все кафе. Внутри все горело, как будто кто-то поджег меня изнутри. — И квартиру! И тачку! Я теперь бомж, поняла? Бомж!

В кофейне окончательно притихло. Даже бариста за стойкой перестал взбивать молоко и смотрел на нас с нескрываемым любопытством. Посетители соседних столиков либо делали вид, что не слышат, либо открыто пялились в нашу сторону. Скандал в публичном месте — всегда зрелищно.

Полина замерла. Ее рука, которая только что постукивала по столу, зависла в воздухе. Глаза расширились, и в них я

увидел не то, что ожидал. Не сочувствие. Не понимание. А... страх? Нет, не страх. Отвращение. Как будто я только что признался, что у меня бубонная чума.

— Ты... ты серьезно? — тихо спросила она, и в ее голосе дрожал какой-то странный оттенок. Не сочувствие. Скорее, недоверие. Как будто она не могла поверить, что такое возможно.

— Абсолютно серьезно, — я откинулся на спинку дивана, чувствуя, как внутри все дохло. Вывалить правду было одновременно и облегчением, и новой головной болью. — Папа забрал у меня все. Квартиру продает. Машину продает. Кредитку заморозил. Теперь я живу у бабушки в трешке и получаю десять тысяч в месяц на карманные расходы. Круто, да?

Мирон громко выругался, привлекая еще больше внимания. Андрей покачал головой, явно не зная, что сказать. Олег тихо вздохнул: я видел, что он хотел меня утешить, но просто не знал, как.

А Полина... Полина медленно поднялась со стула. Ее движения были осторожными, как будто она боялась меня потревожить. Или заразиться.

— Матвей, — она произнесла мое имя тихо, почти шепотом. — Ты же понимаешь, что это... это меняет все?

— Что именно меняет? — я попытался сделать вид, что не понимал, о чем она. Хотя понимал прекрасно. Все происходящее дальше я предсказал еще вчера, сидя на бабушки-

ной кухне.

— Мы же планировали съездить в Сочи через пару недель, — Полина запнулась, переводя взгляд на друзей, которые теперь смотрели на нас с нескрываемым любопытством. — Ты обещал меня свозить! И мой день рождения через месяц... Предлагаешь мне довольствоваться букетом, который ты нарвешь на ближайшей клумбе?

Я закатил глаза. И все равно было неприятно, хоть я и понимал, что Полинка — меркантильная сука. Но хоть бы на секунду меня поддержала!

— Полин, я не умер, — я смотрел на нее в упор, но она лишь задирала выше свой идеальный нос и отступала. Как будто я заразный. — Просто временно без денег. Это же не навсегда.

— А на сколько? — она посмотрела на меня сверху вниз, и в ее взгляде не было ни капли тепла. Только холодная расчетливость. — На месяц? На год? На десять лет? Ты знаешь, когда твой отец передумает? — я отмахнулся, но Полин не только это и нужно было. — Вот именно. Прости, Мот, но я не готова тратить свое время на того, кто не в состоянии его оценить по достоинству.

Она развернулась на каблуках и той же походкой от бедра двинулась на выход, зля меня даже не этим, а тем, что я оказался прав.

— Знаешь, кто еще оценивает свое время в деньгах? — крикнул я ей в спину. — Подсказать тебе сайт с эскортница-

ми? Уверен, там тебя оценят по достоинству!

Полина даже не обернулась. Просто замерла на секунду, потом резко дернула дверь и вышла, хлопнув так, что стекло задрожало. Я смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри все закипало от злости и одновременно опустошалось. Как будто кто-то выключил свет, и теперь я сидел в полной темноте, не понимая, что делать дальше.

— Бля, — первым нарушил молчание Андрей. — Она реально так и ушла? Из-за денег?

— А чего ты от нее ждал? — пожал плечами Мирон. — Она же меркантильная до последней косточки. Я Мота сразу предупреждал, что кроме как деньгокачки ждать от нее нечего. Она даже в постели — бревно.

Я бы так не сказал, но да, в сексе Полина была достаточно сдержанной. И эгоистичной: свое удовольствие ее заботило больше всего остального.

— Да к черту ее, — отмахнулся я и вцепился в свой кофе. — Пусть катится на все четыре!

— Херня все это, Матвейчик, — похлопал меня по плечу Мирон. — Найдешь другую. Лучше.

— Желательно ту, которая оценит цветы с клумбы, — попытался пошутить Андрей, но мы трое уперлись в него негодующими взглядами, и он быстро сник. — Ладно, сорян. Тупая шутка, понял.

— Если что, можешь на нас рассчитывать, — Олег склонился над столом, чтобы положить свою руку на мое плечо.

— Деньги не вопрос, Мот. Поддержим. А ты пока думай, как у отца прощение выпросить.

Мирон с Андреем кивнули, соглашаясь, и я ненадолго почувствовал себя лучше. Примерно на пару секунд, пока парни не стали делать заказы у подошедшей официантки. Ни один, ни другой не стеснялись, а я поймал себя на мысли, что понятия не имел, сколько стоил в этой забегаловке тот салат, который я постоянно заказывал. Раньше такие вопросы меня не волновали: я брал то, на что падал глаз. А сейчас несчастные две тысячи в заднем кармане джинс прожигали дыру в заднице. Буквально. Я чувствовал их вес, как будто это были не купюры, а камни.

Сегодня только понедельник. Надо как-то растянуть их до пятницы. В теории, я даже могу ходить пить кофе каждое утро, как и раньше – и даже что-то останется. Но каждая чашка теперь будет напоминать мне о том, что я больше не могу позволить себе ничего.

А в остальном... да на что мне тратиться-то? Кормит Ба, универ – под боком.

Прорвусь. Не проблема.

Спойлер: это была самая инфантильная мысль в моей жизни.

Глава 7

Я вообще нихрена не понял, куда улетают деньги.

Гребанный четверг, а у меня в кармане всего пара соток с двух с половиной тысяч. Где остальное? Кто бы мне объяснил.

Ну, сходили мы с парнями за кофе. Раз или два. В один день вместо пар попили пивка. Вчера вечером завалились в клуб, да и там я всего один коктейль выпил.

А сегодня Ба попросила купить хлеба. Я свернул в магазин у дома, кинул в корзинку батон, банку энергетика, бутылку пива, пачку чипсов и жвачку. И на кассе выяснилось, что мне не хватает денег.

Потому что у меня всего две долбанные сотки.

— Молодой человек, вы оплачивать будете?

Я поднял взгляд на кассира. Типичная баба в этих придомовых массмаркетах: заебанная, бесчувственная, холодная, как кусок мяса. Ноль эмоций в глазах. Лишь желание поскорее закончить смену.

Я перевел взгляд на пробитые продукты. Очевидно, мне нужно было что-то отменить, но... что? Я понятия не имел, что из лежащего передо мной сколько стоило. Что здесь самое дорогое? А самое ненужное? Очевидно, хлеб, но, если я явлюсь без него, Ба оставит меня голодным. А голодным, как показала практика, я вообще эту жизнь не вывожу.

— Молодой человек, вы всех задерживаете! — донеслось мне в спину по-старушечьи ворчливое.

Я невольно обернулся.

А лучше бы сразу провалился сквозь землю.

Ровно через бабульку в очереди стояла Кристина.

Она смотрела на меня нечитаемым взглядом, а лучше бы поржала в своей привычной манере. Потому что ее сарказм вынести я мог. А жалость – нет.

— Что-то убрать? — опечаленно выдохнула кассирша, но переживала она явно не за меня, а за то, что ей предстояло совершить лишние телодвижения.

— Оставьте только хлеб, — вымученно признал я, отодвигая батон в сторону.

— Свет! Подтверди мне отмену! — тут же гаркнула бабень на весь магазин, а я с трудом удержал рвущуюся наружу злобу.

Теперь все смотрели на меня. Все. И я никогда еще не чувствовал себя таким жалким.

Пришлось терпеть еще семь минут: пока Света дойдет, пока разродится, пока отвиснет комп. И только после этого, подхватив несчастный хлеб подмышку, а сдачу мелочью – в карман, я вышел из черногового супермаркета.

Униженный и оскорбленный, не иначе.

Прохладный осенний ветер неплохо прочищал мозги, и я позволил себе постоять немного на перекрестке, чтобы он выдул лишние мысли и эмоции из меня. Но у моего спокой-

ствия была другая цена: я совершенно забыл, что в оставленной мной очереди еще стояла моя соседка. А идти ей ровно в ту же сторону, что и мне.

— Держи, бедолага!

Кристина от всей души впечатала ладонь мне в грудь — я едва успел подставить свою, прежде чем девушка отстранилась.

Жвачка. Та самая, что я оставил на кассе.

— Можешь не благодарить, — не глядя бросила мне Крис, переходя дорогу по пешеходному переходу.

У нее, в отличие от меня, в руке был пакет. И, судя по тому, как он оттягивался вниз, покупок в нем было предостаточно.

Я две секунды стоял столбом, пытаюсь понять, чего во мне больше: тупой благодарности или глупой обиды, но так и не определился. Зато ноги сами потащили меня следом за фигуркой в привычных джинсах и клетчатой рубашке.

— Давай сюда, — поравнявшись, я фактически вырвал у Кристины пакет. Он действительно оказался тяжелым.

— Не нужно, — она попыталась вырвать его обратно, но я просто переложил в другую руку — подальше от девчонки.

— Считай, это — плата за жвачку. Нам все равно на один этаж.

Кристина замерла на секунду, смерив меня взглядом. В ее глазах читалось что-то между удивлением и подозрением. Как будто она не могла поверить, что я способен на что-то

хорошее без скрытого умысла.

— Ладно, — наконец согласилась она, хотя в голосе все еще звучала настороженность. — Только не урони. Там яйца.

Я кивнул и переложил пакет в более удобную позицию, чувствуя, как он действительно оттягивал руку. Яйца, молоко, что-то еще тяжелое на дне. Кристина покупала не только для себя, это было очевидно. Скорее всего, для семьи. Или для Ба. Или другой сердобольной соседки — их в этом доме было по четыре на каждом этаже.

Мы шли молча. Я пытался придумать что-то, но слова не шли. Что я мог сказать? «Спасибо за жвачку»? Звучало бы глупо. Она ведь всучила мне пачку явно не из доброты душевной. Скорее, как очередной способ поддѣбать.

— Ты знаешь, сколько стоит хлеб? — неожиданно спросила Крис, не поворачивая головы.

Я поморщился. Вопрос был простой, но ответа на него у меня не было. Я никогда не обращал внимания на цены. Брал то, что нужно, платил картой, не глядя на сумму. А теперь...

— Нет, — честно признал я.

— Тридцать семь рублей, — сказала она. — Батон, который ты купил. Тридцать семь. А энергетик, который ты хотел взять, стоит сто двадцать. Пиво — девяносто. Чипсы — восемьдесят пять. Жвачка — двадцать пять. Итого — триста двадцать семь рублей. А у тебя было двести.

Я замер, глядя на Крис. Она прошла еще несколько шагов по инерции, прежде чем поняла, что я остался стоять на ме-

сте. И обернулась, вопросительно приподняв бровь.

А я никак не мог поверить, что она реально считала. Пока я стоял у кассы и тупо пялился на продукты, она считала мои покупки. И знала, что мне не хватит денег. Еще до того, как я попытался расплатиться.

— Ты специально... — начал я, но она перебила:

— Не специально. Просто привычка. Когда денег мало, ты начинаешь считать все. Каждую копейку. Чтобы не оказаться в такой ситуации, как ты сегодня.

В ее голосе не было упрека. Только констатация факта. Как будто она говорила о погоде или о чем-то столь же обыденном, чем-то, что происходило с ней чуть ли не ежедневно. Но каждое слово больно било по моему самолюбию, напоминая о том, насколько я беспомощен.

— Я не привык, — пробурчал я, хотя понимал, насколько жалким было это оправдание.

— Вижу, — коротко ответила Крис. — Но придется привыкнуть. Или ты думаешь, что папаша передумает и вернет тебе все обратно?

Я хотел сказать, что да, думаю. Что это временно. Что отец просто хочет меня проучить, а потом все вернется на круги своя. Но все эти слова так и остались лишь в моей голове по одной простой причине: я не был уверен. И это пугало больше всего.

Мы дошли до подъезда. Кристина достала ключи, придержала дверь, пропуская меня вперед. Вызвала лифт. В тесной

кабине запах ее шампуня смешался с запахом продуктов, и я невольно вспомнил, как раньше пахли девушки, с которыми я встречался. Дорогие духи, дорогие кремы, дорогие средства для волос. А Кристина пахла просто. Чисто. Обычно.

— Спасибо, — тихо произнесла она, когда лифт остановился на восьмом этаже.

Я удивился. За что она благодарила? За то, что я донес пакет? Это же мелочь. Ерунда. Но в ее голосе была искренность, которая заставила меня почувствовать себя... странно. Как будто я сделал что-то действительно важное.

— Не за что, — пробурчал я, отдавая пакет.

Кристина взяла его и повернулась к своей двери. Я остался стоять, не зная, что делать дальше. Идти к Ба выпрашивать денег? Оправдываться перед Кристиной? Или просто забиться в комнату и сделать вид, что ничего не произошло?

— Матвей, — окликнула меня Крис, уже вставив ключ в замок.

Я, проделывавший то же самое с соседней дверью, обернулся.

— В следующий раз, когда пойдешь в магазин, составь список. И считай в уме, пока идешь по рядам. Так проще.

Она скрылась в квартире, не дожидаясь ответа. А я остался стоять в подъезде, держа в руке батон и жвачку, которую она мне всучила, и думал о том, что это был первый раз, когда Кристина дала мне совет без сарказма. Без ехидства. Просто так.

И почему-то это было хуже, чем все ее подколки вместе взятые.

Глава 8

Мне пришлось попросить денег у Олега, потому что в самый неподходящий момент на счету телефона закончились бабки. А телефон — моя единственная связь с внешним миром.

Просить было... стремно. Я минут пять тасовал телефон в руках, набирал номер и сбрасывал, прежде чем решился на звонок. Как объяснить другу, что у меня нет даже двухсот рублей на интернет? Что я прозираюсь до такой степени, что не могу позволить себе элементарное?

— Мот? — сонный голос Олега прозвучал в трубке. — Ты в курсе, что сейчас четыре утра?

Я замер, глядя на экран. Блядь, действительно. Я всю ночь не спал, считая последние копейки и понимая, что даже на интернет не хватает. Прокручивал в голове, куда делись те жалкие две тысячи, которые Ба вручила мне всего несколько дней назад. Кофе в кафе. Пара коктейлей в клубе. Мелкие траты, на которые я раньше даже внимания не обращал. А теперь каждая мелочь выливалась в финансовую катастрофу.

— Олеж, извини, — я прокашлялся, чувствуя, как внутри все скручивалось от тупого стыда. — Можешь перевести мне немного? На телефон. Интернет кончился.

С другой стороны повисла пауза. Слишком долгая. Слиш-

ком неловкая.

— Сколько? — наконец спросил Устинов.

— Полтоса хватит, — выдохнул я, презирая себя за это. Попросить даже копейку было достаточно унижительно.

— Бля, Мот, серьезно? — Олег рассмеялся, но смех прозвучал устало, без злости. — Пол рубля? Дай мне минутку.

Еще одна пауза. Я слышал, как он ворочался, как скрипела кровать, шуршала одежда. Потом тихое гудение телефона.

— Готово. Перевел пять косарей, — произнес Олег. — Хватит до конца месяца. И не парься, ладно?

Пять. Долбанных. Косарей. Просто так, чтобы интернет не отрубался. Половина моего ежемесячного содержания — а он даже не заметил.

Это не зависть, это, скорее, охреневание. От того, что еще недавно я сам был таким. Пять тысяч для меня были мелочью, которую можно было потратить на одну ночь в клубе. А теперь это — целое состояние. Два моих недельных бюджета. Две недели жизни.

— Спасибо, — выдавил я сквозь стиснутые зубы. — Верну, как только...

— Да брось, — перебил Олег. — Мы же друзья. Выручу, если что еще понадобится.

Выручу. Слово, которое раньше вызывало у меня легкую ухмылку. Выручка была взаимной, мы просто помогали друг другу, когда нужно было. А теперь я — единственный, кому нужно помогать. Тот, кто не может сам справиться даже с

самыми базовыми проблемами.

Я положил трубку, посмотрел на уведомление о поступлении денег и почувствовал, как внутри все горело от стыда и бессилия.

В понедельник Ба, как и в прошлый раз, протянула мне три купюры. В этот раз стоящая в дверях надзирательница Кристина все видела, но никак не прокомментировала. Лишь когда мы по обыкновению должны были попрощаться у арки во двор, она вдруг остановилась.

— Слушай, Мажорчик, — от ставшего привычным обращения меня привычно сплющило. — Если тебя нужна помощь в контролировании расходов, я могу...

— Не нужна, — отрубил я до того, как Крис закончила свою мысль. Мне за глаза хватило жвачки, которую она мне купила, чтобы принимать от нее еще какие-то подачки. — Сам разберусь.

Она если и обиделась, то вида не подала: пожала плечами и пошла в сторону универа, перейдя предварительно на другую сторону улицы – видимо, чтобы от меня подальше.

Я тоже поплелся в том же направлении. Других вариантов для времяпрепровождения у меня не имелось: все наши развлечения, к которым привыкли мы с Олегом, Андреем и Матвеем, подразумевали под собой трату денег, а их-то у меня не было. В пятницу друзья еще пытались как-то минимизировать наши расходы, завалившись в кафе статусом попроще, но я видел, как Андрюха морщился, стоило мне

только отвернуться: его не устраивал ни вид, ни вкус, ни даже официантки.

По-любому, когда я ушел, а они – отправились в другое заведение, все трое перемывали мне кости. И пусть я этого не знал доподлинно, сама мысль об этом портила мне настроение все выходные, которые мне пришлось провести вместе с Ба.

Впрочем, мы друг другу не мешали. Большую часть субботы Ба провела в своем читательском клубе, который собирался в столовой на другом конце квартала, а в воскресенье я почти весь день проспал.

Чтобы в понедельник выяснить: я простыл.

Оказывается, октябрь – не лучшее время, чтобы ходить без куртки. Раньше я об этом не задумывался, потому что все время ездил на машине. Сейчас оправдывал себя тем, что до университета всего десять минут ходьбы, а куртки как таковой у меня не было, как и каких-то других теплых вещей.

И вот, приплыл: головная боль, саднящее горло и сопли по колено.

Впервые я проснулся сам: не потому, что привык, а потому что хреново. Башка трещала похлеще чем с похмелья, а боль в горле была такой, что глотание слюны обращалось в пытку. Каждый вдох обжигал изнутри, словно я жрал стекло. Тело ломило, как если бы по мне самосвал проехался, а потом развернулся и проехался еще раз. Кости ныли, мышцы сводило судорогой, а под веками нещадно пекло.

Кое-как собрав себя в кучу, я выполз из комнаты. Ноги подкашивались, в ушах звенело, а перед глазами плясали черные точки. Я чувствовал себя так, будто кто-то выжал из меня все соки и оставил пустую оболочку, наполненную болью и слабостью.

А на кухне попал под пристальный взгляд серых бабушкиных глаз.

— Матвей? — она не удивилась. Она нахмурилась и тут же подалась навстречу. — Что с тобой?

— Простыл, — просипел я, и голос прозвучал так хрипло, что даже я сам не узнал его. Попытался отмахнуться от протянутой навстречу руки, но куда там. Проще было истребитель остановить.

Ладонь Ба прижалась ко лбу, сухая, прохладная, шершавая от времени. Она поморщилась, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Ну-ка, садись! — Ба выдвинула табуретку с такой силой, что та скрипнула протестом, и полезла в аптечку. — Держи. Подмышку. Как запищит — подашь мне.

Она протянула мне электронный градусник, уже готовый к использованию. Мне было так хреново, что я даже спорить не стал: выполнил, а через полторы минуты отдал обратно, чувствуя, как все внутри дрожало от слабости.

Маргарита Сергеевна, нацепив очки, поцокала языком и покачала головой.

— Тридцать семь и восемь. Сегодня ты без университета,

Матвей Саныч.

— Заебись, — без особого энтузиазма порадовался я, прикрывая глаза и прижимаясь затылком к стене. Холодная поверхность принесла хоть какое-то облегчение. Но почти сразу мне в лицо прилетело полотенце, вырывая из сладкой неги. — Эй! За что!

— Не выражайся в моем присутствии! — надзирательно произнесла Ба, а после снова потянулась к коробке с лекарствами, разбрасывая по столу коробочки и бутылочки. — Где-то у меня было жаропонижающее...

Я ее почти не слышал. Глаза слипались, хотелось спать. И тело ломило, будто я разом сломал все кости. Я отметил, что надо бы заехать домой и все-таки цепануть себе теплых вещей.

А потом вспомнил, что дома-то у меня и не было.

— На, пей.

На стол передо мной опустилась чашка с чем-то горячим. Я обхватил ее руками, сделал глоток и тут же обжег себе все, что только можно: пальцы, язык, щеки, горло. Боль пронзила так резко, что я чуть не расплескал на себя все содержимое, усугубляя последствия.

— Ну куда ж ты залпом-то! — ворчала рядом Ба, но в ее голосе не было злости, только забота. Та самая, которую я так долго игнорировал. — Маленькими глотками, обалдуй!

Я послушался, лишь бы не тратить силы на спор. Когда болел последний раз, я даже вспомнить не мог. Наверное,

еще в школе? Мамы тогда уже не было, и папа оставлял меня дома с домработницей. Я целый день гонял в приставку, а она приносила мне еду и таблетки, которые я прятал в цветочный горшок. Цветок тогда сдох, а я — нет.

Сейчас веры в такой позитивный исход не было.

— Давай-ка в постель, — в итоге выгоняла меня с кухни Ба. — А я пока в аптеку схожу.

Я хотел было возмутиться, но сил хватило ровно на то, чтобы грохнуться лицом в постель. Мышцы отказывались слушаться, тело стало ватным, а сознание начало уплывать куда-то в темноту, где не было ни боли, ни мыслей, ни стыда.

Каким-то краем сознания я слышал, как отрылась и закрылась входная дверь. Чуть погодя звук повторился, дополнившись шуршанием пакета. Кажется, Ба зашла ко мне и обратилась по имени, но я не был уверен, что это — не плод моего воображения. Возможно, мне просто снилось, что кто-то заботится обо мне. Что кому-то не все равно.

Зато совершенно точно я слышал, как спустя еще какое-то время она ругалась, расхаживая по своей комнате. Голос звучал так громко и жестко, что даже сквозь дремоту я понял: Ба разговаривала с кем-то по телефону. И разговор этот был далек от мирного.

— Александр, это не шутки! — учитывая обращение и ледяной тон Ба, общалась она с моим отцом. — У парня ни одной теплой кофты! Что ты хотел? Разумеется, он заболел! Ты на улицу вообще из своих джипов выходишь? Нет. Мне

все равно, кто кому должен звонить и о чем просить. Ты мне ребенка на каких условиях сплавлял? Вот и выполняй!

Пауза. Я слышал, как отец что-то отвечал, но слов не разобрал. Только тон – раздраженный, отстраненный. Как будто ему было все равно.

— Нет, ты меня слушай, — Ба говорила так, словно она снова в прокуратуре, а перед ней – обвиняемый, который пытался уйти от ответственности. — Я не нянька. Я согласилась помочь с перевоспитанием, но не с тем, чтобы парень здесь болел без элементарных вещей! Пришли ему одежду. Или перечисли деньги, я сама куплю. И не смей мне рассказывать про уроки и последствия! Уроки – это хорошо, а вот доводить до пневмонии – это уже твоя ответственность, Александр!

Еще одна пауза. Более долгая. Более напряженная.

— У тебя два часа, — наконец произнесла Ба, и в ее голосе прозвучало что-то похожее на удовлетворение. — Если до обеда не будет – сама позвоню тебе на работу. Уверена, твоим коллегам будет интересно узнать, как ты заботаешься о сыне.

Я понятия не имел, о чем именно они договорились, да и забыл почти сразу, окунувшись в очередной темный сон, где не было ни боли, ни мыслей, ни ответственности.

А когда проснулся, за окном уже было темно.

Голова все еще раскалывалась, но я уже не чувствовал себя таким овощем: сел в кровати даже без приступа тошноты

или вертолетов. Спина ныла, но это больше от долгого лежания, чем от жара.

Вероятно, температура спала.

Я соскреб себя с постели. Майка была потной и неприятно липла к телу – я ее стянул с себя, в одних боксерах отправляясь в ванну. Скинул одежду в коробку для белья – спасибо, что стиркой и глажкой тоже занималась Ба. Меня она попробовала привлечь к этому занятию, но, когда я сжег одну из трех своих футболок, бабуля тут же передумала.

Это, кстати, была последняя чистая. Придется просить вечером постирать.

Свернул в туалет – они с ванной у Ба были раздельными. И только после этого, почесав затылок, вывернул на кухню, откуда доносились умопомрачительные запахи свежей еды. Что-то жареное, что-то с травами, что-то такое, от чего слюнки текли, даже несмотря на то, что горло все еще саднило.

Только насладиться ужином мне было не суждено, потому что у плиты нашлась вовсе не Маргарита Сергеевна.

Там, оперевшись одной рукой в столешницу, с лопаткой в другой стояла Кристина, чтоб ее.

И с насмешливым выражением лица смотрела на меня.

А я, мать ее, в одних трусах!

Сердце ушло в пятки, а потом резко подскочило к горлу. Я замер на пороге, не зная, то ли убегать обратно в комнату, то ли делать вид, что так и задумано. Что я всегда хожу по бабушкиной квартире полуголым, и это абсолютно нормально.

Хотя, именно так я и ходил: Ба было плевать, а мне — удобно.

Но Ба-то здесь и не было!

Впрочем, и Крис тоже не особо одетая: во всяком случае, никаких привычных джинс, футболок и рубашек в клетку. Простой домашний костюм из таких коротких шорт, которые некоторые части моего тела воспринимали как команду «фас!», и майки-безрукавки в облипку с таким вырезом, что второй командой становилось «апорт!».

Клянусь, будь на месте Крис кто-то другой, мы бы не разговаривали.

А так...

— Что ты здесь делаешь? — все еще хрипло, но максимально сурово интересовался я, надеясь, что грубость отвлечет девушку достаточно, чтобы она не обратила внимание на восставшего Матвея-младшего.

Но либо я грубил недостаточно, либо Кристина уже давно все рассмотрела, а ее улыбка стала шире. Предательски, ехидно, почти хищно.

— А ты теперь живешь со мной, Мажорчик, — проговорила Крис так, словно она — кошка, которую пустили к мышке в хату. — Смотрю, ты этому рад.

Ее взгляд скользнул вниз, задержался на секунду, а потом вернулся к моему лицу. Эта стерва провоцировала меня, а я держался на одном упрямстве.

О чем она там спрашивала? Рад ли я?

Ага. Пиздец как счастлив.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.